

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА. КАК О НЕЙ РАССКАЗАТЬ?

«Круглый стол критиков» МОСХа собирается регулярно. Искусствоведы обсуждают здесь новые статьи и книги, делают доклады на профессиональные темы, обмениваются мнениями о концепциях развития искусства и методах критического анализа.

Об одном из таких заседаний, посвященном обсуждению книги Э. Кузнецова «Пиросмани», рассказывается в публикуемом отчете.

Разговор этот тем более необходим, что искусствовед А. Листунова выступила с уничтожающей рецензией и называлась она так: «Книга, которая не получилась». Но, несмотря на столь категорическое осуждение, книга живет, получает положительные отзывы в других рецензиях, находит широкий круг читателей и выносится на обсуждение «круглого стола».

Автор — Э. Д. Кузнецов, ленинградец — был гостем на этом вечере.

В последнее время среди любителей искусства наблюдается растущий интерес к искусствоведческой литературе — так называемого «биографического жанра».

Речь идет о монографиях, в которых рассказ о художнике строится не столько на анализе его произведений (как это принято в «обычных» книгах по искусству), сколько на описании судьбы, жизненных коллизий, взаимоотношений с современниками. Идея служения искусству и противостояния силам, мешающим этому служению, становится в таких книгах основой драматического сюжета. В результате получается не то, чтобы чистая беллетристика, но литература, в которой образ героя строится по законам романа: мы сопереживаем художнику, негодуем по поводу людей, которые его не понимают — но приближает ли это нас к постижению его творчества?

Вопрос не праздный. Среди книг, выпущенных за последнее время в серии «Жизнь в искусстве» (издательство «Искусство», Москва), есть немало таких, в которых фигура «одинокого гения» используется скорее для создания романа, рассчитанного на сенсационное восприятие, чем для подготовки читателя к серьезному и вдумчивому общению с произведениями искусства.

Вот почему, когда издательство «Искусство» выпустило в свет книгу ленинградского искусствоведа Э. Кузнецова «Пиросмани», московские критики решили пригласить автора к своему «круглому столу», чтобы обсудить все эти вопросы на примере новой работы. Выбор оказался удачным, участники обсуждения единодушно признали книгу «образцом биографического жанра».

Автор нашел позицию по отношению к материалу: он описывает

не художника, которого никогда не видел, а документальные свидетельства о нем, показывает нам не иллюзорные картины жизни, а исследовательскую работу историка искусства.

Он точен, даже педантичен, перечисляет нам три версии какого-то эпизода биографии, размышляет, какая из них достовернее, жалуется на отсутствие документов. И в то же время книга читается как художественное произведение, без всяких скидок на жанр, потому что основа ее эстетики — красота исследовательской мысли, — сказал, начиная обсуждение, Ю. Герчук.

Такая авторская позиция (или, как принято говорить, «авторская маска») позволила Э. Кузнецову не только найти поэтику жанра, но и сохранить одну и ту же интонацию историка искусства при описании биографии и анализе картин художника. Правда, в книге эти две темы разнесены по разным главам: первая и третья посвящены «жизни», а вторая — «искусству». Но автор нашел такому членению логическое оправдание: зрелые годы художника, по его мнению, были целиком отданы творчеству, с полным безразличием к «жизни». И только в юности, когда он еще не нашел себя, и в старости, когда пришла известность, жизненные события оказываются столь же духовно значимыми, как творческий поиск.

Интересно, что именно это трехчастное членение позволило участникам обсуждения выявить свои собственные представления о задачах жанра. Судите сами.

А. Каменский: мне понравилась первая и третья части. Выделение второй — по-моему, дань традиции, которой автор этой книги мог бы избежать. Ведь если мы сегодня говорим о «кризисе» нашей методологии, если мы начинаем задумываться над тем, насколько справедливо то понимание искусствоведческой науки, которое сложилось на протяжении века, то встает вопрос: а не является ли биография художника и времени предметом науки, строгой, систематичной? Кузнецов, мне кажется, удачно отвечает на этот вопрос. Потому что когда он говорит о жизни и о картине, когда он кладет рядом жизненную стихию и то, что из нее вышло, — он может это рассматривать как одно и то же, и это черта его искусствоведческого метода.

Ю. Молок: самое сильное — вторая часть книги. И вот почему. Выбраться из литературной традиции, из легенды о Пиросмани, почти невозможно. Дело умного историка — разобратся в этой легенде и сделать шаг навстречу монографии о художнике после всех легендарных жизнеописаний, сделанных непрофессионалами.

Б. Бродский: мне кажется, что построение книги очень логично: вначале от жизни к искусству, потом — от искусства к жизни. И то, что раскрывается при таком построении книги — это новые связи, непривычные для меня: когда я слежу не за биографией художника, а за мыслью автора, это приближает меня к выяснению «иных законов», по которым строится искусство. И это делает книгу интересной, а жанр оправданным.

Мы не будем приводить других высказываний критиков по поводу разных частей книги (об этом говорили В. Шитова, Н. Воронина, К. Глonti, Н. Степанян). Смысл их один: биографический жанр только тогда будет по-настоящему оправдан, когда сможет решать, помимо популяризаторских, еще и собственные проблемы искусствознания. Дискуссия, возникшая на обсуждении, свидетельствует лишь о разном понимании этих проблем.

Другой вопрос, на котором сосредоточились участники обсуждения, можно сформулировать так: «достаточно ли описать жизнь художника, чтобы говорить о его искусстве?» Даже такой далекий от художественной культуры ремесленник, как Пиросмани, не может быть понят, если культурный контекст не найдет места в книге.

Все высказанные замечания можно резюмировать так: биография художника — это не только его жизнь, не только время, с которым он непосредственно сталкивался. Искусствовед, выступающий в «биографическом жанре», должен держать в поле своего внимания разнообразные пласты художественной культуры, потому что они связаны с творчеством художника и, следовательно, являются частью его «духовной биографии» — а это не менее важно.

О большой работе, которая предстоит искусствоведам в поисках и утверждении новых образцов «биографического жанра», напомнил в конце обсуждения Ю. Овсянников: «Недавно «Литературная газета» провела дискуссию об историко-биографическом жанре. Она показала, что вся литература этого жанра распадается на две разномасштабные группы. Одна — это хорошо документированные, философские и социально значимые исследования — таких меньшинство. Другая — это слащавые, красивенькие романчики, «с оживляjem». Таких большинство. Наша задача — приобщать читателя к культуре, давая ему биографию художника. Задача новая, трудная, потому что развитой традиции биографического искусствознания в России не было. Но интерес к личности художника сегодня велик, и от нас с вами зависит, как будет удовлетворена эта потребность».

Л. НЕВЛЕР.